

Брала нас врасплох...

Не могла возвратиться,
Не высмотрев, как растревоженно птицы
С фасада снимаются вверх.
И небо глядело премного туманней,
Как будто, прибрав объяснимые грани,
Из створок, и веток, и вех...

Писалось, тогда, взгорячённо-недолго:
Подборки чужих фраз, моих недомолвок,
Да, в град приблудившей строки
Всё, пеплом стелились пониз разговоров,
Стремясь за стекольно-решетчатый морок,
Да в стол оседали – легки.

Мы вечно плутали, не верили картам,
Февраль поддавался,
срывался с фальстарта,
И пусть рисковать – не резон,
Но все наставления мне: за дорогой
Следить, пить горячее – были не строги,
Как всё в подошедший сезон.

Сферическим взвихрем по городу мчался.
Пел нашим ладоням.
Февраль – не кончался,
Посланник бесснежной зимы...
Но было во всём этом царстве смятений,
Смен планов, разъездов,
стихов, разночтений
Одно неизменное – мы.

ПОЛОЖИТЕЛЬНО

А свет не стремится себя тушить!
Восход, как восход –
чуть – подёрнут ленью...
На чай забегая к подруге Лене.
Стартую на жёлтый, пока машин

Не видно. Под Цоя бреду к метро.
Надеюсь в апреле подать на визу
(Тепло легкомысленно дует снизу,
Заставив увидеть в себе Монро)!

В прощаньях уютно-просто слова,
А птицы с балконов взлетают с гамом.
Цветы продаются. Стихи слагают.
Вершу в мыслях вирши,
сядая в трамвай,

Выходит – компот... На второе – плов.
Гостей накормила бы, если б были.
А ветер негромко листает были,
С усмешкой позволив себе тепло

По средам и пятницам – в остальном –
Ложусь в полчетвёртого – просыпаю.
А впрочем, знакомо ведёт тропа, и
Едва ль полуслаще под фильм вино.

И сливочный латтэ не разлюблю.
И Лёшка зовёт погулять под вечер...
А каждый, кто мною случайно встречен,
Трещит про обещанный вешний плюс,

Что на антресоли отправил шарф,
Что круче, чем Фрай –
лишь один Пелевин!
И сложно представить, что мир болеет,
И даже – ты знаешь – поёт душа...

«ПАССАЖ»

Пассивно махну
в пассажиры «Пассажа»!..
Самой бы, случайно,
не сдаться в продажу,
Как груз дофамина:
Уж слишком я с обlichem не сочетаюсь
Морали, эффектом к молве причитаюсь
Взорвавшейся мины –
Заливистым смехом
на драме «Титаник»...
Дрейфую, как мячик,
оброненный Таней,
По Мёртвому морю
Проспекта. Закрыты шаверма
и «Зингер»,
«Ленэкспо» и вылет на Санта-Доминго.
Вдрызг помонтессорюсь

С любим, кто напрасно
направился верить...
Ввинчусь дельтапланом
в «Пассажные» двери –
До лучшей поры бы –
Стоять в бирюзящей спокойствием нише,
Сквозь призму смотря на прохожих,
чтоб выше –
Одни только рыбы.

РАЗНЫЕ И РОДНЫЕ

Ткётся наша вечность
в мартовском плену.
Я ещё умею признавать вину.
Ты уже умеешь видеть тишину.

И едва ли сладок скромный факт побед,
Если не успела рассказать тебе...
Плавны размышленья, недомолвок без.

Ты живёшь с улыбкой, я – тревог магнит,
Автор неизменной хлопотной возни.
Ты спокойно рядом, чтобы нас хранить.

А дорога катит – строчек кривизна –
Путевых. Тень вьётся, шёлково-резна,
Заставляя ярче, вслух друг друга знать:

Ты не разделяешь каждый мой бросок
В крайности,
я – вечный нелюбитель ссор,
А двоим невластен лишь террор часов,

Глупо предложивших выходить за час...
Я наивно верю в ужин при свечах,
Как залог прощений.
Ты пьёшь чёрный чай.

Я люблю зелёный. Ты – читать без сна.
Наши телефоны устают от нас,
Да поёт лилово лампа у окна...

Ткётся наша вечность в мартовском плену.
Я ещё умею признавать вину.
Ты уже умеешь видеть тишину.

14 НОЯБРЯ («НЕ Я»)

Не я – тишиной ли, движеньем брови –
Не воздух предвыюжья, что стал суровой,
Не ты – не предвидели волн крови...
Да, впрочем, и не дождались. Моих.

Ноябрь в темп звонниц сорвался ало,
Твой голос пророча связным началом!
Я смутность грядущего не решала,
Когда вплыл звонок, темноту вскроив!

Чтоб выделить угол каминной полки
Такому успеху, как я. Осколки
Иных достижений скрывая в шёлке –
На нём так правдиво горят цвета.

Когда, отрубив конфитурность «браво»,
Ты на представленье представил право,
Где кто-то чужой, не помыслив здраво,
Повёл с обращения: «Вы – Цвета?!»

Не я. Вас запутали искаженья,
На миг растревоженных черт – движеньем
Стрессованной камеры, отражений...
Да разве иначе играют боль?

Лишь сыпался голос, граняще-чёток,
О зальную роспись – раскатом чёток –
Кто ведал, что в первую ночь отчёта
Бессонниц, крестимого: «Не с тобой?»

Не я – в трёх с немногим ходах от мата,
Родных Петровых и своих Ахмато –
вых – одами полнимая крылато,
Глядящая в новые рубежи!..

Поклон. Бисер бисов (хотите – верьте).
Верста – до тебя, и метраж – до смерти.
По кругу квартиры шагов инертые...
Потом – твой звонок и пытаться жить.

ФЕВРАЛЬ

Всё сумрак качался.
Февраль – не кончался.
Он петлями стёжек в руках умещался,
Звонках и записках родных.
И куртки пока не сменялись плащами,
А свежесть вопроса: «Что делать с вещами,
С учётом недалней весны?» –

